

ПРОЛОГ

Как сказал в конце 1870-х годов генерал Уильям Текумсе Шеридан, «война — это Ад». За сотни лет, что прошли с тех пор, как армия Шеридана сожгла город Атланта в штате Джорджия, многие соглашались с его словами.

Никому, впрочем, никогда не приходило в голову добавить, что война — явление временное. Она может быть короткой или невыносимо долгой. Но все войны без исключения заканчивались.

Чего нельзя сказать об Аде.

Ад невозможно завершить. Ад — не временное явление. Ад вечен и населен заблудшими душами, что затерялись в безумии войны и не нашли себе места, когда она завершилась.

Как всегда, время продолжает течь, воспоминания о сражениях тускнеют и в конце концов вовсе пропадают из людской памяти. События становятся частью истории, а та изменяется и мутирует из поколения в поколение, в извечной игре в испорченный телефон. Уинстон Черчилль заметил, что историю пишут победители. Но если

нет надежных способов записать и сохранить сведения о событиях по мере их развития, история отходит в прошлое вместе с вершившими ее людьми и уступает место рассказам, которые человечество может запомнить. А когда большая часть дня занята вопросами выживания, люди запоминают очень мало. Лишь тот, кто ест досыта и чувствует себя в полной безопасности, может позволить себе заглядывать в прошлое. Для менее везучих история — просто что-то, случившееся до их рождения.

В этом плане история человечества на Земле подошла к концу.

Большинство людей воображало, что человеческая история прервется, когда исчезнет само время, когда Вселенная схлопнется, или взорвется, или погаснет как лампочка. Процесс мог включать некое божество, которое стало бы судить человечество, а мог обойтись и без него. Но взрыва не было — только шепоток, такой тихий, что его никто не расслышал. Истории пришел конец по одной простой причине: после Войны ее никто не писал.

До войны существовало множество культур, которые обменивались друг с другом достижениями науки и техники, чтобы добиться невероятных успехов. Надо всеми главенствовали небесные города, двенадцать сверкающих метрополий, витавших над разными частями земного шара. В них люди видели доказательство того, что человечество достигло наконец наивысшей точки своего развития, может быть, даже просветления. Никогда прежде за всю историю Земли на ней не существовало летучих городов. Те, кто жил наверху, пользовались всяческими удобствами и привилегиями. Те, кто оставался внизу, смотрели на них с гордостью и надеждой.

А потом разразилась Великая Война, жестокая и кровопролитная, как любая война. Погибли миллиарды

людей, мир был разорен, все доброе и светлое, что в нем существовало, оказалось уничтожено. Прекрасные творения, которые человечество считало своими последними и величайшими достижениями, рухнули на землю. Все, кроме одного. Потрясенному и раздавленному человечеству стало не до истории. Да, была Война, был Враг, с которым люди боролись до последнего. Многие погибли, многое утрачено, надежда умерла. Что тут еще знать?

Те, кто остались в живых на земле, собрались в тени Залема, последнего летучего города, образовали некое подобие цивилизации, построили подобия обиталищ из обломков и металлолома и создали подобие общества из остатков идеалов и порядка. Возникла иерархия; верхушка процветала и благоденствовала, все остальные состязались за места пониже.

Добро пожаловать в Ад.

Но для того чтобы Ад мог быть по-настоящему адским, ему нужны зрители, которые могли бы его оценить, узнать что-то новое — или, по крайней мере, развлечься,— благодаря тому, что в нем происходит. Но зрители не бездеятельные. Довоенные технологии сделали многие развлечения тех дней интерактивными. Так чего бы не продолжить эту традицию?

Зрителей было не так уж много. С другой стороны, и население Залема было не так уж велико. Это позволяло сократить влияние на окружающую среду. И обеспечивало немногим избранным более комфортную жизнь. В летучем городе многое изменилось: после Войны все стало другим, и большая часть изменений была философского толка.

Как только завершились военные действия, обитатели Залема признали достоинства более жесткого общественного устройства с сильным правлением. Все надеялись, что новая война начнется еще не скоро, но, в случае чего, явная и сильная власть не позволит им стать жертвами случайного несчастья.

По правде говоря, наличие бесспорного правителя было необходимо для их выживания. Дни изобилия, когда в небесах витала дюжина городов, и путешественники могли прилетать и улетать, когда пожелают, навсегда ушли в прошлое. Неизменной оставалась полная зависимость Залема от поддержки с земли — от нее городу не избавиться никогда.

А те, кто жил на земле, были всегда готовы — рады! — поддерживать последний небесный город. Залем символизировал вершину человеческих достижений, которой оно, возможно, однажды сумеет достичь вновь.

Но до той поры между землей и летучим городом не могло существовать никакого сообщения. Технологии воздухоплавания оказались утрачены. К тому же это позволяло сохранять стабильность обоих поселений. С этим все должны были согласиться — выгоднее объединиться под властью одного правителя. А лучшим единовластным правителем Залема и наземного сообщества, которое со временем стало называться Айрон сити, мог стать тот, кто способен был в буквальном смысле надсматривать за ними сверху. Эти обязанности взял на себя глава Залема, назначив нескольких избранных представителей на земле.

Глава жил очень долго, его возраст показался бы большинству людей невероятным, невообразимым. Он был слишком стар, чтобы приходить в восторг от одной только возможности владычествовать надо всем в небе и на земле. Власть скучна, если не доставляет удоволь-

ствия. Долгая жизнь сделала его экспертом по части удовольствий, и он знал, что не найдет их, оставаясь простым надзирателем. Он должен был оставаться Наблюдателем *in situ*, без необходимости покидать уют летучего города.

Так Ад стал интерактивным аттракционом, а нога Наблюдателя ни разу не ступала на землю.

Что до истории — то она утратила значение. Важным было то, что случилось вчера, позавчера или неделю назад. История закончилась. Ну, случилась какая-то Великая Война против Врага. Ну и что? Никто не помнил, кто и зачем сражался в этой Войне. Она закончилась триста лет назад. Пора бы выкинуть ее из головы.

ГЛАВА 1

— Хорошо, Сарита, расслабься на минутку,— обратился бледный худой мужчина к пациентке на смотровом столе. Тело женщины средних лет, с добродушным круглым лицом в нимбе черных с сединой кудряшек, заканчивалось ключицами. Ниже не осталось ничего — по крайней мере из того, что было дано ей с рождения. Пациентка была одним из прошедших процедуру Полной Замены киборгов, которые регулярно обращались в клинику. Женщина решила на ПЗ в достаточно юном возрасте. Без сомнения, кто-то на Заводе заверил ее, что именно так можно преуспеть. Как будто на Заводе кому-то и вправду когда-нибудь удалось преуспеть.

В тот момент он уложил руку женщины на упоре так, что она лежала под прямым углом к телу, кистью на подносе. Тело, на которое она променяла собственное, надежно служило ей много лет, но наверняка не так долго, как ей было обещано. Последнюю пару месяцев Сарита заглядывала в клинику по крайней

мере раз в неделю для заметы той или иной детали. В Айрон сити она была не единственным киборгом, страдавшим от последствий некачественной работы. Бледный мужчина помогал этим людям с тех пор, как попал в Айрон сити.

Тогда клиника была семейным делом. Теперь у него больше не было семьи, и все труднее было отстраняться от безрадостных реалий жизни в Айрон сити — не только во время ежедневных приемов в клинике, но и в другой, ночной, работе.

— Ну что, удобно? — спросил он пациентку. — Отлично. Теперь мне надо, чтобы ты подумала о своей правой руке.

— Которой? — спросила женщина.

Сидевший в другом конце комнаты в переделанном зубоорудном кресле мальчишка расхохотался. Мужчина уже и позабыл о нем. Повернувшись, он нетерпеливым жестом велел тому умолкнуть, хотя и сам не удержался от смешка.

— Насколько мне известно, Сарита, она у тебя всего одна.

— Да, но... — женщина поморщилась. — Просто сначала я подумала о своей старой, живой руке. А не настоящей.

— Они обе настоящие, — поправил мужчина, стараясь говорить одновременно успокаивающе и твердо. — Помнишь, я рассказывал тебе о том, что у тебя в уме хранится что-то вроде картинки твоего тела? Так вот, для твоего ума рука — она рука и есть. По правде говоря, будет даже лучше, если ты станешь думать о своей живой руке. Нам нужно, чтобы твой ум решил, что это и есть рука, которая была у тебя с рождения.

— Но если все нервы подсоединены, почему бы ему так не думать? — спросила женщина.

— Слишком долго объяснять. Но даже когда все должно работать как надо, приходится прибегать к мелким уловкам, чтобы помочь разуму, — ответил мужчина.

— Не думаю, что смогу отпроситься с работы так надолго.

— Да, подозреваю, не сможешь.

Пальцы женщины шевельнулись, потом начали постукивать по подносу. Она услышала звук и подняла голову. Ее пальцы продолжали двигаться.

— Вы только поглядите на это!

Мужчина помог ей сесть.

— В этом-то вся суть, — жизнерадостно сказал он. — Как ощущения?

— Будто родная, — ответила женщина, по-прежнему постукивая пальцами по подносу. — И никакого прерывания, — ее улыбка слегка увяла. — Надеюсь, она не перестанет работать.

— Приходи снова, если начнутся какие-то проблемы.

Мужчина колебался. Ему хотелось сказать женщине, что он работал над проектом и что, если все получится, ни у одного киборга больше не будет задержек двигательных функций между новыми и старыми частями. Это было бы для нее большой радостью, а ей не помешает повод для радости, приятного ожидания. Но он не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы заставить чип работать как положено. Еще две недели, или месяц, или полгода? А может, чип взорвется прямо у него в руках, и придется начинать работу с нуля.

Она и все, кому она об этом расскажет, между тем, будут ждать, поначалу терпеливо, но потом со все большей и большей тревогой. И он, не произведя на свет мгновенного чуда, не сможет даже объяснить почему, по крайней мере так, чтобы они поняли. И в итоге все будут несчастливы.

Самым жестоким было бы обнадежить этих людей слишком рано. Если ему так хотелось прослыть добрым малым, он мог раздавать леденцы. Леденцы были осязаемыми и нравились всем его пациентам. Мужчина вытащил конфету из банки на столе и передал женщине.

— На всякий случай, — сказал он, — я могу показать тебе один фокус с коробкой и зеркалом, который...

— А вы уже показывали, помните? — сказала женщина, пряча лакомство в нагрудный карман рабочего комбинезона. — Когда развалилась моя левенькая, — она покрутила левой рукой, — а с новой вышла заминка, и мне все время казалось, будто кто-то выкручивает мне пальцы, хотя у меня их и не было.

— Он может помочь и с координацией, — сказал мужчина.

— Серьезно? — спросил мальчишка, развалившись в кресле. — Зеркало в коробке?

Киборг сердито глянула на него.

— Тебе-то какое дело, пустомяс?

Она тут же повернулась к мужчине с извиняющимся выражением лица.

— Вы уж не обижайтесь, док.

Мужчина рассмеялся.

— Все нормально, Сарита.

Он проводил ее из кабинета и вышел в приемную, чтобы позвать следующего пациента. Ряд кресел в коридоре перед смотровой комнатой был пуст.

Доктор нахмурился, стараясь припомнить, кто сидел здесь до этого. Может, стоило велеть Хьюго пойти и записать их имена? Всегда важно обращать внимание на ожидающих.

С другой стороны, может, и не стоило, подумал он, услышав позади себя звук удара. Не пристегнувшись

предварительно, мальчишка наклонил кресло под большим углом и соскользнул с него на пол головой вперед.

— Поставь кресло обратно как было, Хьюго, — велел мужчина. — Или, по крайней мере, поверни так, чтобы людям не приходилось сидеть вверх ногами.

С порозовевшим от смущения лицом мальчик поправил сиденье и устроился в другом, не столь вычурном, кресле возле стола. Раньше оно принадлежало помощнице и, по совместительству, супруге бледного мужчины. Его оказалось не так-то просто отыскать. Бывшая супруга настаивала, что ей нужна хорошая опора для поясницы. Когда же он наконец нашел это кресло, она принялась жаловаться, что оно было недостаточно хорошим. Все казалось ей недостаточно хорошим — особенно по сравнению с тем, что у них было до того, как они попали в Айрон сити.

Хьюго принялся кататься на кресле по кабинету. Загрохотали колесики. Мужчине могло бы прийти в голову, что когда семнадцатилетний парень не находит лучшего развлечения, чем кататься на кресле по кабинету киберхирурга, это многое говорит об Айрон сити. Но он достаточно хорошо знал Хьюго, чтобы понимать, что тот не просто мается от скуки. Хьюго частенько заглядывал в клинику, и у мужчины никогда не хватало духу его выгнать, как бы он ни был занят. И без того слишком многие отвернулись от мальчика.

— Меня-то вам не обмануть, — внезапно сказал Хьюго.

— Это ты о чем? — слегка обеспокоенно спросил мужчина.

— Я знаю, откуда у вас эта отметина, — заявил Хьюго, ткнув пальцем себе в лоб. — Это не след от какого-нибудь прыща, или ветрянки, или удара шарикоподшипником во время игры в моторбол. И не родинка.

— Ну что же, поздравляю.

Мужчина уселся перед верстаком в дальнем конце комнаты и снял повязку с наполовину разобранного плечевого сустава, присоединенного к руке.

— Раз у меня сейчас нет других пациентов, я хотел бы поработать в тишине и покое, так что посиди молча.

— Над чем ты работаешь? — спросил Хьюго.

— Чип для улучшения характеристик.

Мальчишка рассмеялся.

— А что, бывают чипы для ухудшения характеристик?

— В этом городе — сколько угодно, — ответил мужчина, наклоня лупу так, чтобы взглянуть на шарнир.

— Готов поспорить, что в Залеме сплошная тишь да гладь, — сказал Хьюго. — Там вам, наверное, выделили бы звукоизолированную комнату и армию охранников, чтобы защитить от хулиганья вроде меня. С чего вообще было переселяться?

Мужчина принялся изучать ползущие по монитору строчки.

— Так вот, раз вы оттуда, то все сразу становится понятно, — продолжил через несколько секунд Хьюго. — В смысле, в Айрон сити есть довольно умные люди — я и сам не дурачок. Чтобы здесь выжить, нужно иметь хоть *какие-то* мозги. Но даже самые умные не знают, чем вы занимаетесь. Они не... — он умолк, подыскивая слово, — *образованные*.

Бледный мужчина, поправлявший тончайшие проводки у самого плечевого сустава, остановился и посмотрел на мальчишку. Его оценка собственного интеллекта была верна, он определенно не был дурачком. Но Хьюго даже не осознавал, насколько он на самом деле умен, у него было слишком много мозгов для его собственного блага. Что вполне могло его сгубить.

— У нас в Айрон сити с образованием не очень-то здорово, — продолжал мальчишка. — Людей заставляют по-

лучать образование, только чтобы они могли работать на Заводе, когда вырастут. Там нужны послушные пчелки, которые умеют читать, писать и считать после десяти, не снимая ботинок. Они...

— Хьюго, ты когда-нибудь перестаешь говорить? — спросил мужчина и немедленно пожалел об этом, увидев выражение его лица. — Прости, я не хотел... — он замялся. — Просто я все время сбиваюсь с мысли, а это очень важный проект. Он может серьезно изменить то, как работают тела киборгов, особенно с ПЗ.

— Да? Жалко, что вас тут не было, когда окочурился мой старик. Глядишь, с вашими «улучшенными характеристиками» он бы еще лет двадцать протянул на Заводе. — Хьюго подкатился к верстаку. — Ну и что такого замечательного в этом чипе?

— Он улучшит соединение между новыми и старыми деталями. Таким образом уменьшится отторжение и улучшится процесс заживления. То есть понадобится меньше лекарств. Есть и другие возможности: больше никаких прерываний сигналов, задержек или путаницы.

Мужчина понемногу входил во вкус. На самом деле он скорее размышлял вслух. Но было куда приятнее размышлять вслух при собеседнике, пусть даже это был уличный мальчишка, который понимал от силы два слова из пяти.

— Понимаешь, иногда случается так, что в ситуации большой или длительной нагрузки киборг хочет совершить некое движение — может быть, небольшое, только пальцами, или более значительное, например, подняться по ступеням, — но ничего не происходит. Заминка обычно длится полсекунды-секунду, но она ошарашивает, сбивает с толку, особенно если он в этот момент совершал какое-то сложное действие.

Но если ему повезет достичь состояния потока, то, когда происходит заминка, возникает ощущение, будто земля уходит из-под ног. Если мне удастся сохранить поток для киборгов, я умру счастливым. — Он нахмурился. — Нет, я умру счастливым, если мне удастся избавиться и от задержек и заиканий. По сути, это те же прерывания, но масштабом поменьше: ты хочешь сделать движение, ничего не происходит, и ты делаешь его вновь. В отличие от эха, во время которого одно задуманное движение повторяется два раза или больше.

Проблема — в смысле, проблема *в целом* — заключается в скорости передачи сигналов мозга. Даже самое совершенное кибернетическое тело работает не так быстро, как человеческие нервы. *Почти* так же, но не более. Я пытаюсь разогнать кибернетическое тело — а не просто ускорить движение. Хотя по большей части у меня выходит именно ускорение движения.

Он хотел было продолжить, но решил пожалеть парня, который ухитрился не уснуть во время этой лекции.

Хьюго долго молчал. Потом произнес:

— Вот об этом-то я и говорил: в Айрон сити такому нигде не выучиться.

— Я мог бы тебя научить, если захочешь, — сказал мужчина.

— Вот уж нет. Какой из меня доктор Хьюго? Вы за этим сюда переселились, чтобы делать докторов из таких, как я? Ни за что не поверю. Я едва могу поверить в то, что вы чините киборгов. Почему вы не остались в Залеме, где могли получить все, что пожелаете? Зачем было селиться в этой дыре?

От необходимости выдумывать, как увильнуть от ответа, доктора избавил звук открывшейся и захлопнувшейся двери клиники.

— А вот и мой следующий пациент,— сказал он.—
Сделай одолжение, проводи его сюда, хорошо?

— Ладно, док,— сказал Хьюго.— Сделаю вам одолжение. Но работать у вас на ресепшене я не собираюсь.

— Бывает работенка и похуже,— заметил мужчина.
Хьюго рассмеялся.

— Но у меня уже есть работенка куда лучше.

Как обычно, во второй половине дня дела пошли живее. К тому времени как ушел последний пациент, мужчина так устал, что не смог проводить его до двери. Он упал в переделанное зубоврачебное кресло, с которым раньше баловался Хьюго, и поднял ноги наверх. Когда Хьюго спросил, не нужно ли что-то еще сделать, прежде чем он уйдет, мужчина только махнул рукой.

— Ладно, док,— сказал Хьюго.— Увидимся завтра!

«Да уж куда мы денемся»,— ответил бледный мужчина про себя.

Доктор Дайсон Идо, высокообразованный киберхирург, к которому обращались все киборги Айрон сити, добрый самаритянин и лучший друг уличных мальчишек, страдавших от переизбытка мозгов, сказал себе, что ему всерьез следует задуматься о том, чтобы нанять помощников. По меньшей мере медсестру. На деньги, что ему давала вторая работа, вполне можно было нанять кого-нибудь приличного, хотя их и не хватило бы на то, чтобы отправить Хьюго в медицинский колледж. Про-